

Конечно, как в рамках родовой, так и в рамках территориальной организации семья и индивид имели некоторые правомочия в сфере брачно-семейных и имущественных отношений, но соотношение объема прав и обязанностей находилось в зависимости от степени служения семьи и индивида коллективным интересам и общим целям.

Это отнюдь не означает, что человек в родовом обществе являлся бесправным существом. Обычное право предполагало наличие коллективных субъектов, правовой статус которых зависел от выполняемых ими функций. Семья в лице ее главного представителя — отца была самостоятельным субъектом обычно-правовых отношений. Она выступала как единица территориальной общины (улуса). Только в пределах рода или территориальной общины семья могла реализоваться как самостоятельный субъект обычно-правовых отношений. При этом правовой статус индивидов определялся их родовой принадлежностью.

Коллективная форма субъектов обычно-правовых отношений была исторически и социально выверенной субъектной формой, отвечавшей требованиям того времени.

Виды федерации и модели федерализма

Н. В. БРЕЗГУЛЕВСКАЯ*

На протяжении многих десятилетий не теряют своей актуальности в теоретическом и практическом плане проблемы административно-территориального устройства государств. До сих пор существует множество терминологических проблем в определении таких явлений, как федерализм и федерация; исследователи не приходят к единому мнению о классификации моделей федерализма и видов федераций. Кроме того, недостаточно внимания уделяется авторами одному из основных вопросов: по какой причине государство выбирает ту или иную форму административно-территориального устройства и почему федеративные государства настолько разнообразны и не похожи, что ученые не могут единодушно согласиться ни с одной из десятков предложенных классификаций и выделяют в общей сложности до 60 видов федераций (в некоторых работах их называют «моделями федерализма»).

В рамках этой проблемы необходимо акцентировать внимание на нескольких ее аспектах:

- история становления федерализма;
- различные подходы к определению таких явлений, как федерализм и федерация;
- классификация федерализма и федерации;

* Аспирантка СПбГУ.
© Н. В. Брезгулевская, 2005

— причины многообразия форм федеративного устройства и критерии, которые позволят дать четкую классификацию федерации и федерализма.

Идея объединения народов и государств возникла еще в античности. Так, Платон в диалоге «Критий» повествует о легендарном острове Атлантида, на котором был создан союз десяти независимых частей (государств), сочетавший в себе признаки и федерации (части союза были не вправе нарушить единство), и конфедерации (наличие суверенитета у составляющих его государств, наличие абсолютной власти правителя каждой из частей, а также обязательства государств по отношению друг к другу).¹

В Древнем Риме существовали так называемые федеративные общины (*foederatae civitates*), свобода которых обеспечивалась договором (*foedus*) и которые, находясь под властью Рима, пользовались некоторой самостоятельностью. Мыслители Древнего Рима внесли весомый вклад в развитие идеи единства человеческого рода. Римские политические мыслители, как и римские юристы, заложившие основы римского права, видели объединение стран и народов как единую юридическую организацию человечества, единую империю под эгидой Рима. Например, Цицерон, развивая учение стоиков, пришел к выводу о необходимости союза человечества, распространяя его до мирового общения. Этот союз воспринимался прежде всего как юридический принцип, вытекающий из единого естественного права. Античный мир, как отмечал А. Яценко, «в теории и на практике пришел к единой юридической организации человечества в виде построенной на монархическом принципе всемирной империи».²

В Средние века идея мирового единства возрождается на основе христианского понимания божественной воли как направления мира к единой цели.

На рубеже XV–XVI вв. в Западной Европе формировались капиталистические отношения, а в политическом плане шел процесс оформления национальных государств, сопровождавшийся бесконечными войнами и конфликтами из-за государственных границ.

На фоне этих обстоятельств Н. Макиавелли разработал доктрину, касающуюся государственного устройства, роли государя, методов его руководства страной. Он считал необходимым объединить государства для создания более сильного и сплоченного союза, способного противостоять агрессии. Добиваться этого путем завоевания представлялось Макиавелли наименее приемлемым, более удачным вариантом он считал приобретение союзников за счет добровольного присоединения при сохранении за консолидирующим государством верховенства. Достоинства такого союза Макиавелли видел в возможности избежания войн и насилия, в способности сохранения и приумножения приобретенного. Большое значение для современного понимания принципов федерализма представляют размышления Макиавелли о характере объединяющихся государств. Он полагал, что государства, образующие федерацию, не должны быть разнохарактерными и находиться слишком далеко друг от друга.³

¹ Платон. Критий // Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 502–508.

² Яценко А. Международный федерализм. Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908. С. 25.

³ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1996. С. 234–237.

Родоначальником теории социального федерализма считается И. Альтузиус, сильное влияние на которого оказала доктрина договора У. Цвингли и Ж. Кальвина (Бог передал право на управление не Правителю и не Римскому папе, а народу Израиля). Согласно Альтузиусу, власть также принадлежит не Правителю, а народу, который лишь наделяет его ограниченными полномочиями.⁴

В своем наиболее известном сочинении «*Politika Methodice Digesta et exemlis sacris et profanis illustrata*» (1603–1614) он сконструировал такую политическую систему, которая пронизана социальными отношениями, основанными на согласии и социальной солидарности.⁵

Государство согласно вышеуказанной теории характеризовалось как союз общностей. Федерация должна учреждаться в результате иерархического возвышения нового союза над меньшими по размерам союзами, начиная с семьи и вплоть до государства, которые связаны между собой прямо или косвенно особым соглашением. Альтузиус пытался доказать, что дуализм между сословием и князем, проявляемый в управлении средневекового государства, можно снять при помощи конституционного регулирования, что, по его мнению, возможно лишь путем создания федерации.

Разрабатывая идею народного суверенитета в рамках безусловного господства государства в лице Правителя, Альтузиус предвосхитил идею договора, получившую свое полное развитие в учениях Гоббса о договоре принуждения, Локка — о политическом тракте и Руссо — об общественном договоре.

Однако, в отличие от Гоббса, Альтузиус не отделял власть от церкви, а трактовал ее как данную Богом. Король не обладает абсолютной властью, он лишь имеет ограниченные, регулируемые полномочия. Будучи ограниченными, властные полномочия также делимы, следовательно, могут быть переданы местным властям, городу, области и, наконец, Империи. Федеративное устройство представлялось Альтузиусу как ряд сообществ, складывающихся на следующих друг за другом уровнях. Образованный таким образом союз он называл общественно-политическим союзом (*consociatio politica*).⁶

Альтузиус одним из первых исследователей природы федерализма обозначил проблему сохранения отдельных социально-экономических и культурно-религиозных сообществ (как сегментов общего образования) в пределах целостного государства. И именно поэтому его «Политику» называют первой современной теорией федерализма.⁷

Дж. Локк под федерализмом понимал сообщество людей, подданных государства, противопоставляя его остальной части человечества. Поэтому ущерб, нанесенный одному из членов сообщества (государства), по его мнению, следует считать ущербом всему народу, государству.⁸ Эта мысль в последующем была развита А. Гамильтоном, который суть американского федерализма видел не в договоре между штатами и федерацией, а в договоре между гражданами государства.

⁴ Цит. по: Яценко А. Международный федерализм. С. 264.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 286.

⁷ Гонтарева И. Б. Политико-правовые истоки учения о федерализме // Право и политика. 2001. № 9. С. 133.

⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 347–348.

Выдающуюся роль в развитии идей современного федерализма сыграл Ш. Монтескье. Современный федерализм — это реализация политологической модели, предложенной им в XVIII в. Монтескье исходил из парадокса: настоящая демократия может быть реализована лишь в небольшом по размерам государстве, но такое образование легко становится добычей неприятеля. С другой стороны, большая Империя неуязвима для внешнего врага, но демократия внутри такой огромной структуры невозможна.

Идея Монтескье состояла в том, чтобы синтезировать две формы власти, используя преимущества обеих: большое и сильное государство должно состоять из ряда локальных демократических республик, во многом автономных, но делегирующих центру права в области коллективной обороны, внешней политики, денежного обращения и т. д. Наблюдая природу человеческого общества, Монтескье пришел к выводу о неизбежности международной солидарности и о необходимости разделения властей, что, по Монтескье, является принципом наиболее целесообразного и разумного государственного устройства.

В первых трех главах IX книги «Духа законов» Ш. Монтескье размышляет о сильных и слабых сторонах федеративных отношений. Федерацию он рассматривает как договор, основанный на доброй воле государств, заключающих его с целью создания более сильного государства, сознательно идя на утрату международно-правового статуса и права самостоятельного заключения международных договоров.⁹

Идея объединения стран и народов возникла много веков назад, но реально федерализм в современном его понимании насчитывает чуть более двух веков. Впервые потребность теоретического осмысления проблем федерализма с политических и правовых позиций применительно к конкретной политической ситуации возникла при образовании Соединенных Штатов Америки.

Потребность создания единого и сильного государства стимулировала «отцов-основателей» Соединенных Штатов на изучение прежде всего принципиальных вопросов, касающихся самой сущности федеративных отношений, полномочий федерального правительства и его взаимоотношений с правительствами штатов. Так появился знаменитый «Федералист», который представляет собой серию статей А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Д. Джея, опубликованных под псевдонимом «Публий» в ряде ведущих американских газет в период, предшествующий принятию Конституции США 1787 г.¹⁰ Книга стала классическим документом мировой политико-правовой мысли.

Большую популярность идеи федерализма получили во второй половине XIX и в XX в., когда интенсифицировались процессы образования современных национальных государств. К XXI в. большинство государств выбрали федеративную форму государственного устройства, хотя все они значительно отличаются друг от друга.

XX столетие стало веком теоретических разработок в области федерализма. С наибольшими трудностями исследователи столкнулись при определении

⁹ Монтескье Ш. Избр. произведения. М., 1955. С. 215.

¹⁰ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. Н. Н. Яковлева. М., 1993.

таких явлений, как «федерализм» и «федерация» (некоторые ученые склонны не разделять эти явления).

«Федералистская» терминология широко используется в гуманитарных и других науках, в публицистике и даже в художественной литературе; она употребляется в названиях различных организаций (например, Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов, Всемирная федерация женщин).

Идею федерализма нередко распространяют на очень широкий круг общественных, а иногда и личных отношений. В свое время сторонники анархизма М. Бакунин, П. Кропоткин, П. Прудон писали о необходимости охватить федерализацией каждую область человеческой деятельности — экономическую, социальную, культурную с тем, чтобы получить подлинно децентрализованное целое, в котором власть уживалась бы со свободой. Иногда в наше время под федерализмом понимают персональные отношения, связанные с множеством ролей человека в обществе (он одновременно член семьи, трудового коллектива, профсоюза и т. д., представляет регион, государство, международное объединение).¹¹

В специальных исследованиях, посвященных федерализму, это понятие распространяют на ООН, другие международные объединения.¹² И нельзя не согласиться с сотрудниками Католического университета г. Лейвена (Нидерланды) Л. Карафиелло и К. Малфрит, утверждающими, что использование для обозначения различных явлений одних и тех же терминов (например, «федерализм», «суверенитет», «автономия») может стать источником недоразумений.¹³

Круг вопросов, касающихся федерализма, широк и разнообразен. Он включает в себя вопросы сущности, содержания и назначения федерализма, его функций, места и роли в жизни общества и государства, характера взаимоотношений центра и субъектов федерации, деятельности судебных органов в условиях федерализма и многие другие, включая определение самого понятия «федерализм», установление основных форм его проявления, выявление его общих и специфических черт, роли и назначения. Так можно ли говорить о федерализме в обобщенном виде, либо речь должна идти только о понятии американского, российского или иного федерализма? Противопоставлять эти два аспекта было бы неверным. С одной стороны, нельзя говорить о федерализме только как об общем понятии, не учитывая индивидуальность федеральных систем, так же как нельзя изучать политические системы различных стран, не занимаясь сравнительным анализом, не проводя обобщений и не пытаясь найти признаки, являющиеся общими для всех федераций.

Возможно, компромиссом в этом споре могло бы стать разделение таких явлений, как «федерация» и «федерализм», хотя это поддерживается не всеми учеными.

¹¹ *Основы теории и практики федерализма* / Институт европейской политики Католического университета г. Лейвена. Лейвен, 1999. С. 4–5.

¹² *Елазар Д. Сравнительный федерализм* // Политические исследования. 1995. № 5. С. 5.

¹³ *Основы теории и практики федерализма*. С. 2–3.

Э. В. Тадевосян и В. Е. Чиркин отстаивают мнение о том, что федерализм — это самостоятельное явление, отличное от федерации. Представителями противоположного взгляда можно назвать В. Г. Вишнякова, Л. М. Карапетяна и О. Ю. Оболдина, которые склонны к отождествлению понятий «федерализм» и «федерация» и, соответственно, к отрицанию существования моделей федерализма, утверждая, что единственной моделью федерализма является федерализм.

В. Е. Чиркин утверждает, что «в отличие от термина “федерация”, которая характеризует прежде всего статическое, организационное, институциональное состояние, федерализм соотносится с динамикой, процессом, определенного рода отношениями и в целом обозначает более широкое явление».¹⁴ С такой позицией согласен и Э. В. Тадевосян, который пишет, что «понятие “федерализм” шире понятия “федерация”. Федерализм — это теория и практика строительства не только собственно федеративных государств (хотя это, несомненно, ядро, главная часть федерализма), но и конфедераций, и некоторых унитарных государств».¹⁵

Действительно, можно полагать, что федерализм — явление более широкое, чем федерация. Используя термин «федерация», мы, скорее всего, подразумеваем какую-то конкретную страну, имеющую федеративное государственное устройство, делая акцент на территориальном устройстве и распределении полномочий между центральными и территориальными органами управления.

Федерация — это явление практики, в рамках которого следует изучать особенности территориального деления, способа образования и распределения полномочий между субъектами и государственной властью каждой конкретной страны, имеющей федеративную форму государственного устройства. Каждое государство обладает своими особенностями, в рамках которых можно проводить различные классификации, искать новые и интересные критерии классификации федераций, из которых с течением времени и будут сформированы наиболее устоявшиеся и признанные виды.

Что касается понятия «федерализм», то, как было сказано ранее, практически все исследователи, признающие его самостоятельность, согласны с тем, что оно шире понятия федерации. Таким образом, федерализм представляет собой некую систему, где, помимо знаний о существующих федерациях, есть и другие элементы.

Во-первых, в рамках теории федерализма должны рассматриваться вопросы, связанные с федерализацией. Это еще один термин, используемый исследователями, который делает акцент не на статику, а на динамику, отражая в первую очередь не организационную сторону явления, а процесс.

Во-вторых, определяя структуру такого явления, как «федерализм», следует учитывать культурные, исторические и геополитические особенности тех стран, которые на определенном этапе своего развития стали федерациями. И именно в этих особенностях кроется ответ на вопрос, почему те или иные государства становятся федеративными и почему другие государства предпочитают иную форму государственного устройства. Большой

¹⁴ Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. М., 1997. С. 6.

¹⁵ Тадевосян Э. В. О моделировании в теории федерализма и проблеме асимметричных федераций // Государство и право. 1997. № 8. С. 63.

интерес здесь представляет не практическая организация власти и территории в существующих федерациях, а культурные, геополитические факторы, влияющие на процессы федерализации и в федерациях, и в унитарных государствах, которые не стали федерациями. При таком подходе возникает необходимость обосновать причины различного функционирования многочисленных федераций, опираясь в первую очередь не на институционально-правовой каркас, а на культурное наполнение. Исходя из этого, требуется своеобразный тип федералистской культуры. Так, по мнению А. Захарова, прочность федеративных устоев зависит от укорененности в той или иной стране классического набора либеральных ценностей.¹⁶

И в этом основное отличие «федерализма» от «федерации», где делается акцент, как уже говорилось выше, на особенности административно-территориального деления страны.

Различая такие явления, как «федерализм» и «федерация», необходимо разрабатывать их классификации. В «федерациях» можно выделять их «виды», а в «федерализме» — «модели». Здесь следует признать, что сторонники моделей федерализма, разграничивая его с федерацией, не делают различия в их классификациях. Например, при рассмотрении моделей федерализма, используются термины *симметричная* и *асимметричная* федерация и ничего не говорится о том, какие можно выделить виды федераций и чем они отличаются от моделей федерализма. Такое отношение к терминам приводит к путанице и сомнению в существовании федерализма и его моделей. Зачем нужно вводить термин «модель федерализма», когда фактически речь идет о тех же самых видах федерации? Либо в таком случае нужно рассуждать о «федерализме» как о более широком явлении, но не говорить о его моделях, что само по себе не вполне логично, так как у любого явления можно выделить те или иные его разновидности.

В современной литературе нет единой, признанной классификации федераций; кроме того, почти все приведенные в литературе классификации федерализма скорее нужно отнести к видам федерации. К тому же, все они подвергаются обоснованной критике. Например, классификация В. Е. Чиркина, основным критерием которой является степень соотношения элементов самоуправления и раздельного правления, даже по мнению самого автора обладает определенной долей условности.¹⁷

В. Е. Чиркин выделяет симметричные и асимметричные, централизованные и децентрализованные, договорные, конституционные и конституционно-договорные федерации.

Симметричная федерация предполагает однопорядковый конституционный статус субъектов федерации. По мнению некоторых исследователей, их статус может быть асимметричным. Но такая асимметрия возможна не в конституционном статусе субъектов федерации, а в их представительстве в федеральных органах, объеме полномочий. Другие полагают, что асимметрия может существовать как возможность объединения в федеративном государстве наряду с субъектами федеральных земель ассоциированных членов, примкнувших территорий и т. п.

¹⁶ Захаров А. К вопросу о «федералистской культуре» // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. 2001. № 1. С. 72–76.

¹⁷ Чиркин В. Е. Современное федеративное государство. С. 11, 18.

В основном симметричными называют федерации в Австрии, Германии (хотя в последней земли неодинаково представлены в верхней палате парламента) и ОАЭ, где тоже существует неодинаковое представительство эмиратов в безвластном Национальном собрании. Юридически сохранена симметрия в Эфиопии, где есть только равноправные штаты и даже нет федерального округа.

Асимметричная федерация предполагает наличие частей с неодинаковым правовым положением, в ней есть субъекты и несубъекты и различия в названиях. В качестве примера можно привести США, где существует неодинаковое юридическое положение штатов, федеральных территорий, федерального округа, ассоциированных государств.

Существует мнение, что теория асимметричной федерации фактически отвергает важнейший принцип построения федеративного государства (формально-юридическое равноправие субъектов).¹⁸

По способу распределения и осуществления властных полномочий В. Е. Чиркиным выделяются централизованные и децентрализованные федерации.

Такое деление обладает определенной долей условности, как замечают сами сторонники такого разделения. Степень централизации может быть различной, и в некоторых случаях четко отнести ту или иную федерацию к какому-либо виду сложно (высокоцентрализованными федерациями называют Индию и Пакистан).

С точки зрения способа создания различаются договорные, конституционные и конституционно-договорные федеративные государства.

Договорные федерации возникают на основе соглашения, договора, заключенного между самостоятельными государствами (так, например, шло развитие созданного в 1922 г. СССР и образованной в 1787 г. федерации США). Договор может заключаться и между отдельными государственными образованиями, без какого-либо акта общего характера (таким образом, сначала создавалась конфедерация, ставшая затем федерацией, в Швейцарии).

Конституционные федерации создаются в результате актов государственной власти. Они учреждаются обычно путем принятия конституции или поправок к ней (в 1956 г. — Индия, в 1993 г. — Бельгия).

Вместе с тем сторонники такого разделения федераций говорят, что нельзя поставить непреодолимый рубеж между договорными и конституционными федерациями. Создание федераций в США, Швейцарии, Германии и в некоторых других странах имело по существу договорно-конституционный характер.

Итак, В. Е. Чиркин разделил федерации на симметричные и асимметричные, централизованные и децентрализованные, договорные и конституционные.

Но можно заметить, что полностью симметричных федераций не существует; скорее всего, нет даже двух государств с одинаковой степенью централизации. Что касается выделения договорного и конституционного

¹⁸ Такую позицию отстаивает А. В. Ильин: *Обществознание*. Учебный курс для поступающих в вузы. 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. Д. И. Луковской и Е. Б. Хохлова. СПб., 2004. С. 151, 154–155 и след.

видов федераций, то федеративного государства, которое было бы создано только на основе письменного договора, без конституционного закрепления такого устройства, в истории не было. Кроме того, нельзя утверждать, что в федерациях, создание которых закрепилось сразу в конституции, не было договоренности об учреждении федеральной формы административно-территориального устройства государства.

Помимо видов федераций, указанных в приведенной выше классификации В. Е. Чиркина, в юридической науке выделяются и другие виды федераций:

1) *Классический*, который анализируется на основе исторического опыта США. Этот вид характеризуется следующими особенностями: договорной природой федерации, разделением предметов ведения между разными уровнями осуществления власти, ключевой ролью федеративной конституции, сочетанием двух уровней государственной власти и др.;

2) *Дуалистический*, который рассматривается как система отношений властей двух уровней, каждая из них в пределах своих полномочий независима от другой. Считается, что такой федерализм не предусматривает обязательного объединения штатов, земель и т. п. в союзное государство (США, некоторые латиноамериканские государства, Португалия, Испания);

3) *Кооперативный* (модифицированная модель дуалистического федерализма). В основе такой федерации лежит идея объединения усилий центра и мест для выполнения общих задач и целей. Сторонники выделения этого вида федераций ссылаются на концепцию германского кооперативного федерализма, основанную на идее выгодного сотрудничества центра и субъектов федерации, взаимодополняющих друг друга.

Существующие на сегодняшний день классификации федерализма не содержат четких критериев для выделения видов федерации; зачастую в обоснование того или иного вида кладутся общие принципы построения любой федерации.

В различных классификациях так или иначе говорится о процессе создания федераций, и именно этот критерий нужно положить в основу разделения федеративных государств на виды. Исходя из способа образования, можно выделить федерации, созданные «снизу», — те, которые образовались путем слияния самостоятельных государств либо произошли из конфедераций, как, например, Швейцария; созданные «сверху», т. е. образованные в результате разделения единого государства на субъекты в ходе федерализации унитарного государства. Первоначальное создание федерации одним из вышеуказанных способов не исключает последующего изменения ее состава. Таким примером являются США, где 13 штатов стали основой федерации при ее создании, большинство включено позже, а часть штатов выделена из других.

Способ создания федерации («сверху» или «снизу») оказывает большое влияние и на взаимоотношения между органами государственной власти и власти субъектов. В федерациях, созданных «снизу», за субъектами, как правило, сохраняется больший круг полномочий и они являются менее централизованными. Это совершенно естественно, так как данные образования до создания федерации были полностью самостоятельными.

Субъекты, которые до создания федеративного государства не имели самостоятельных полномочий, на первоначальном этапе должны быть более централизованными, так как наличие обширной компетенции по управлению на своей территории не приведет к положительным результатам, им нужно время для того, чтобы научиться эффективно реализовать свои полномочия на своей территории. Здесь нужно сознательно ограничивать объем полномочий субъекта, постепенно увеличивая его, а контроль за деятельностью органов управления в субъектах должны осуществлять органы государственной власти; тогда развитие федерации будет плавным и эффективным.

Отношение этих двух видов федераций к союзу различное. Суть такого явления выразил Р. Эшли, который писал о причинах различного отношения к Америке «старых» и «новых» штатов: «Причина этого очевидна. Старые штаты рассматривают союз как свое творение, тогда как новые — как своего творца».¹⁹

При классификации федерализма следует говорить не о видах, как в федерации, а о моделях, поскольку, во-первых, такая терминология дает меньше поводов для смешения этих понятий, а, во-вторых, слово «модель» несет в себе более широкий смысл по сравнению со словом «вид». Модель предполагает некий образец,²⁰ содержащий в себе характеристики, обладая которыми те или иные субъекты следуют той или иной модели, в данном случае модели построения государства.

Наибольший интерес с таких позиций представляют классификации А. Подберезкина и А. Дугина.

Исследовав 24 «конституционные федерации», А. Подберезкин разделил их на 7 типов: западноевропейский, североамериканский, латиноамериканский, островной, афро-азиатский, нигерийский и российский.²¹

В *западноевропейский тип* входят Германия, Австрия, Бельгия, Швейцария, старые западноевропейские демократии, связанные или не связанные с национальной структурой населения, с длительными традициями самоуправления или независимой государственностью составных частей, устойчивым соотношением между политической и этнической идентичностью. К этому типу можно отнести многие полуфедеральные западноевропейские государства: Испанию, Великобританию, Финляндию, Италию и др.

Североамериканский тип охватывает США, Канаду, Австралию — старые англоязычные переселенческие федерации, созданные снизу в ходе строительства либеральной демократии, мало связанные с этническими и иными социальными различиями; это федерации с устойчивой политической идентичностью, высокой децентрализацией государственной власти.

Латиноамериканский тип включает Мексику, Аргентину, Венесуэлу, Бразилию — старые переселенческие федерации, созданные сверху в результате распада испанской и португальской империй из частей их колоний, не связанные с этническими различиями, асимметричные, с большим

¹⁹ Цит. по: Саликов М. С. Сравнительный федерализм США и России. Екатеринбург, 1998. С. 148.

²⁰ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2002. С. 447.

²¹ Подберезкин А. Международный опыт и особенности российского федерализма // <http://www.nasled.ru>

числом субъектов и высокой централизацией государственной власти, сочетающейся с развитыми институтами самоуправления в субъектах. Многочисленность регионов и асимметричность федерации, создание новых полноправных субъектов из территорий или путем деления старых штатов, особенно в районах нового освоения, традиционно использовались в латиноамериканских странах как клапаны для регулирования внутрифедеральных отношений и социальной напряженности.

Островной тип включает Федеративные Штаты Микронезии, Сент-Китте и Невис, Коморские острова, молодые островные федерации, созданные в результате распада колониальных империй, асимметричные и слабо интегрированные.

Афро-азиатский тип — это Индия, Малайзия, ОАЭ, ЮАР, молодые, но устойчивые централизованные федерации, созданные сверху на базе компромисса между элитами существовавших прежде федеральных государств и/или национальными элитами регионов, ставших субъектами федерации, высокоасимметричные, с сильными различиями в потенциале регионов, как правило, с сохранением существенных элементов авторитарного правления в центре и на местах. ЮАР, в которой процесс государственного строительства после слома режима апартеида еще не завершен, сочетает признаки афро-азиатского и переселенческого типов; это регионы, основывающиеся на прежнем размежевании между независимыми бантустанами и традиционными историческими провинциями, возникшими в ходе освоения территории европейскими переселенцами.

В нигерийский тип входят Нигерия, Пакистан, Эфиопия, Мьянма — молодые высокоцентрализованные федерации с неустойчивыми авторитарными режимами, возникшие в результате деколонизации, в которых принципы федеративного устройства использованы центральными властями (сверху) как средство сохранения единства разнородных в этническом, социальном и экономическом отношении регионов, асимметричные, со слабыми и формальными институтами самоуправления на местах, узаконенным частым вмешательством центра в дела регионов, вплоть до коренной перекройки границ между ними.

Российский федерализм. Нынешний российский федерализм чрезвычайно эклектичен, он сочетает многие элементы из советского и даже имперского наследия с новейшими заимствованиями из опыта либеральных демократий и собственными наработками.

В представленной классификации присутствуют, с одной стороны, критерии, которые употребляются, например, В. Е. Чиркиным в качестве основных при выделении видов федерации: симметричность и асимметричность, централизованность и децентрализованность, способ образования федераций. Но не они являются основополагающими в данной типологии, иначе классифицировать модели федерализма нужно было бы по-другому: например, все типы, кроме североамериканского, в основном являются централизованными и асимметричными. В этой же типологии отводится значительное место культурным, историческим, этническим, традиционным особенностям существующих федераций, и не только федераций, но и некоторых полуфедеральных государств.

Существует еще одна классификация, представителем которой является известный геополитик А. Г. Дугин. В различных странах федерализм проявляет себя по-разному, и если отталкиваться от мысли, что в основе этого многообразия лежат различия культурного свойства, то можно выделить, по крайней мере, две модели федерализма: *атлантистскую* и *евразийскую*.²² В основе такого разделения лежит выделение Евразии как геополитического субъекта.

А. Г. Дугин утверждает, что геополитическая сфера является главной и приоритетной для характеристики функции центра в случае евразийского федерализма. Она диктует также целый ряд второстепенных прикладных направлений, которые как составные элементы входят в общее русло геополитики. Во всем этом комплексе должны доминировать централистский подход, гомогенная правовая, административная среда. Данный аспект связан с евразийством как геополитическим понятием, и в нем сосредоточены ограничительные стороны подхода к федерализму, то, что лимитирует внутреннюю структуру федерализма как тенденции к автономизации регионов.²³

Основное отличие атлантистского федерализма от евразийского, по мнению А. Г. Дугина, заключается не в том, что он в большей или меньшей степени централизован, автономен, коммунален или демократичен. «Это иная — качественная, содержательная, цивилизационная сторона геополитики».²⁴

Основные различия между федерализмом атлантистского (США) и евразийского типа заключаются в том, что субъектом первого являются простые административно-территориальные единицы, не имеющие никаких особых качественных характеристик, заселенные однородным населением, которое представляемо не как общины, народы, культуры и конфессии, а как атомарные индивидуумы, распределенные по количественному пространству. Евразийский федерализм является антитезой атлантистскому. Субъект евразийского федерализма исторически обусловлен, а не произволен, связан с общиной, а не с условно выделенным территориальным сектором, основан на непрерывных традициях, а не составлен искусственно. В данном случае проявляется различие между сухопутным континентальным цивилизационным типом (свойственным Евразии) и морским (свойственным англосаксонскому миру и США). Субъект общества сухопутного — коллектив, основанный на традициях. Субъект общества морского, модернистского — индивидуум, свободный и эгоистичный предприниматель-потребитель. Отсюда и различие в субъекте федерирования: система Штатов есть просто промежуточная инстанция между отдельным индивидуумом и всем обществом в целом.²⁵

Евразийский федерализм отражает содержание евразийства как учения о ценности традиции и качественных различиях, о важности сохранения народов и культур, конфессий и племен. Субъектом такого федерализма

²² Дугин А. Г. Евразийский федерализм // *Философия права*. 2001. № 2. С. 77.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 78.

²⁵ Ахмадеев А., Никитина Т. Современные взгляды на природу федеративного государства // http://vatandash.ufanet.ru/10_02/14.htm.

является самобытное многомерное исторически укорененное, связанное с почвой, с корнями, с традициями, с культурой органическое образование. И главная задача федерализма — обеспечить этому образованию максимально благоприятные и естественные условия для существования и развития.²⁶

Итак, «федерализм» и «федерация» — различные явления, каждое из них необходимо самостоятельно классифицировать. Виды федерации можно классифицировать исходя из способа образования федерации, а именно созданные «сверху» и «снизу».

Что касается моделей федерализма, то наиболее уместна их классификация, основанная на культурных особенностях и геополитических свойствах государства. Этот принцип классификации моделей федерализма объясняет причину многообразия форм федеративного устройства государства: становится ясно, что не все государства, которым свойственна федеративная форма государственного устройства, применяют единые принципы построения федерации. Кроме того, не каждое государство способно стать федерацией, и такая форма государственного устройства одним народом может восприниматься как ценность, благо, а другим — как произвол. Изучая в первую очередь геополитические и культурные особенности, можно делать выводы:

— как более эффективно организовать становление государства в процессе федерализации;

— как более рационально, исходя из культурных, этнических, экономических предпосылок, выделить количество субъектов и разделить территорию;

— какой объем полномочий и свободы способны реализовать те или иные субъекты при осуществлении своей компетенции.

В теоретическом плане рассмотрение видов федерации и моделей федерализма с изложенных позиций, во-первых, уменьшает путаницу, сложившуюся на сегодняшний день в интерпретации данных явлений, способствует раскрытию феномена федерализма в сущностном аспекте; во-вторых, дает возможность каждому из них иметь свои предмет и цели исследования, что поможет лучше понять явление, которое остается одним из самых популярных и перспективных.

²⁶ Дугин А. Г. Евразийский федерализм. С. 78.